

Смена. 22 мая 2001 г., № 104 (22894)

Рекорды "Интимной жизни"

Петербургская театральная сцена может гордиться такой антрепризой, как "Интимная жизнь" - рожденной в недрах Государственного театра "Бенефис". Обычно спектакли такого плана сгорают через два-три сезона, а "Интимная жизнь" существует уже восьмой и на покой не собирается. 25 мая у этого уникального спектакля юбилей - 300-й показ. В этот вечер "Интимная жизнь" будет сыграна на сцене Дворца культуры имени Ленсовета (информационная поддержка проекта - газета "Смена"). На сцену, как всегда, выйдут народные артисты России Михаил Боярский, Лариса Луппиан, Сергей Мигицко, заслуженная артистка Анна Алексахина. Первые трое сегодня в гостях у "Смены".

Луппиан: Мы с Мишей в 1993 году собрались в Америку на гастроли и обнаружили, что у нас нет репертуара, чтобы сыграть вместе. Режиссер Александр Исаков помог найти пьесу на четырех актеров Ноэля Кауарда, известного английского драматурга середины XX века. Сам Ноэль Кауард играл главную роль (ту, что у Боярского). - Прим. авт.), а Лоуренс Оливье, знаменитый актер, играл Виктора (в питерской версии - Сергей Мигицко).

Луппиан: У них была та же ситуация, что с нашим спектаклем: Кауард и Оливье объездили всю Англию, гастролеровали по Европе. Вообще это хит мирового масштаба. На Бродвее играли Элизабет Тейлор вместе с Ричардом Бартоном.

Остановив свой выбор на "Интимной жизни", мы с Мишей пригласили Сережу Мигицко (с ним я училась на одном курсе, дружим уже тридцать лет) и Аню Алексахину. Начали репетировать с Исаковым, но потом ему предложили место главного режиссера в одном из театров, и мы решили, что продолжит репетиции Олег Леваков. Это тоже наш с Сергеем однокурсник, ученик Игоря Петровича Владимирова. Художником стал москвич Павел Каплевич.

Мигицко: Это был первый коммерческий театральный проект в Петербурге. Нам помог меценат Шамиль Ильясов.

Боярский: Нас очень многие считают семейными парами, полагая, что раз я женат на Ларисе, то и Сережа - на Ане... Это не так, но очень хорошо, раз так думают зрители, потому что жизнь семейная по сути у многих очень похожа.

- Вы сыграли все 299 спектаклей в одном составе актеров?

Мигицко: Из-за болезни мамы Лариса не смогла отправиться на гастроли в Америку, и буквально в самолете Аня Алексахина ввелась на роль Луппиан, а на замену мы взяли другую актрису. Тем не менее в Штатах были переаншлаги. И мы продолжили: Германия, Чехия, Израиль, Россия, города СНГ.

- Слово "антреприза" в глазах театралов в последние годы приобрело чуть ли не ругательный оттенок...

Луппиан: Очень сложно приезжать в другие города, в том числе на Запад, когда перед нами там гастролеруют халтурные антрепризы. Дело не в составе артистов, не в пьесе, декорациях, а в отношении к проекту. В большинстве антреприз отношение это исключительно коммерческое.

- Неужели в "Интимной жизни" все так безоблачно?

Луппиан: Трудно удержаться на грани вкуса. Появилась какая-то шлягерная шутка, закрепились, но потом она может превратиться в пошлость, а ты этого не чувствуешь и продолжаешь "шутить". Заигрывание, замыливание... Когда привыкаешь играть одно и то же, то трудно отделить хорошее от плохого.

- Актеры часто говорят: все спектакли разные, сколько ни играй...

Луппиан: Иногда сыграешь плохо и думаешь: "Все! Не надо больше играть! Спектакль себя изжил..." Идешь домой расстроенная, но стоит сыграть следующий раз удачно, и у тебя вновь вырастают крылья. Театр - искусство живое, зависит от погоды, природы, настроения, тысячи причин. Но хорошие спектакли как хорошее вино - настаиваются с годами, становятся богаче, более терпкими, благородными.

Важно и то, что мы играем без замен. Любой "ввод" нового актера, мне кажется, постепенно разрушает спектакль.

- На каких сценах вы играли "Интимную жизнь"?

Боярский: Мы играли в помещении размером с комнату, где не было даже кулис. По существу спектакль этот можно играть даже без декораций: главное - "вдыхать" в суть отношений, и тогда безразлично, происходит ли это на стройке, в больнице, на пляже. Хорошо, конечно, когда богатые, красивые декорации, когда продуманное световое оформление. Но суть спектакля лежит в отношениях между актерами. Поскольку мы исповедуем систему Станиславского, то должны играть каждый спектакль как будто впервые. Но, с другой стороны, существует выражение Яншина: самое главное для актера - покой на сцене. Я долго думал, что же такое покой на сцене, и лишь недавно осознал это на "Интимной жизни". Меня теперь не волнует, помню ли я текст, приговорен ли реквизит, выйдет ли вовремя партнер, успею ли вовремя переодеться...

"Однажды мы сыграли спектакль на 45 минут короче"

Раньше я за кулисами по пятнадцать минут стоял в состоянии мандража - ждал своего выхода. Теперь жду минуту! Обретя состояние покоя, я получил возможность на сцене ставить для себя новые задачи. Для того чтобы не заигрывать спектакль, я должен играть всегда немножко по-другому: сегодня более остро, завтра наоборот - более скромно, менее эмоционально, пытаюсь вызвать в зрителях ту же реакцию разными способами.

Несмотря на 300-й показ, у нашего спектакля есть резервы. Тот же Виктюк в конце любого спектакля грандиозно

ставит поклон... Зритель обожает хорошо срежиссированные поклоны, воспринимая их как продолжение действия. А мы этот момент никак не отработаем - нужно будет пригласить Виктюка поставить поклон (смеется).

- Ваши герои - англичане. Подчеркиваете ли вы их национальную принадлежность?

Мигицко: Чувства, мне кажется, не имеют нации, цвета кожи, роста или веса.

шем варианте сильно отличается от оригинала пьесы Кауарда?

Мигицко: У нас - два акта. Мы что-то сократили, вымарили роль служанки. В Англии, конечно, никто сам себе кофе не подает.

К тому же существует два перевода этой пьесы. В Москве эта вещь идет под названием "Лунный свет - медовый месяц" с Маковецким, в постановке Догилевой. Тот

однажды играли просто с гитарой.

- У спектакля есть свои фанаты?

Боярский: Да, и они, кажется, видели спектакль не меньше, чем мы его играли. Одна девушка каждый раз приходит с красивым букетом цветов. Целое состояние потратила. Раньше была довольно полненькой, а сейчас - худая (улыбается).

- Неужели у вас не возникало мысли: "Как надоела, осточертела "Интимная жизнь"?"

Боярский: Играя один спектакль, я не испытываю особых огорчений, что не играю пятнадцать разных пьес. Я играю с теми актерами, с кем играть приятно. Знаю заранее, что это не провальный спектакль, что какой бы зритель ни был, все равно мы их "пробьем". В Питере ползала - "свои", а в других городах первые пять - семь минут идут трудно, пока мы не зацепим зрителя.

Единственный раз в Израиле мы так и не почувствовали ни единой реакции зала. Я там даже гопака станцевал - не помогло. А до того как в пляс пуститься, мы пели, плясали, дрались. Потом оказалось, что в зале сидел мэр этого города, и когда он наконец сшел нужным похлопать, весь зал взорвался. Мэр потом поднялся на сцену и сказал, что такого смешного спектакля он никогда не видел...

Луппиан: Хотя суть "Интимной жизни" вовсе не в том, чтобы смешить публику. Вообще играть такую комедию сложнее, чем драму или трагедию. "Серьез" внутри комедии очень сложно сохранить.

- Какой еще хит готовите вы, Михаил Сергеевич, как директор и худрук государственного театра "Бенефис"?

Боярский: Беда в том, что от нас ожидают "Интимной жизни-2". А мы боимся брать за любую пьесу, в которой обнаруживаются хоть какие-то параллели. Хотим сделать что-то резко другое.

- Чем отличаются интересные театральные проекты от московских? Почему именно питерская "Интимная жизнь" стала таким долгожителем?

Луппиан: Москва любит и умеет о себе пошуметь. Там сначала разворачивается рекламная кампания, а потом идет худо-бедно какое-нибудь действо.

Боярский: У петербургских актеров, режиссеров, в отличие от московских, нет эйфории насчет самих себя. Критическое отношение к себе - залог того, что люди развиваются. В Москве же преобладает оценка "гениально!", причем гениальными называются спектакли еще до того, как они сыграны...

Я читал у мудрецов: как себя поставишь, так к тебе люди и будут относиться. Но петербуржцы не умеют этого делать. Орган самовосхваления у них отсутствует. Не представляю, что Алиса Бруновна Фрейндлих скажет: "Буду играть в гениальном спектакле. По-моему, получается!" Не вяжутся такие слова и с Басилашвили. Трофимовым, Шарко. Они все в репетициях, в муках творчества. У москвичей же всегда все получается "гениально".

Михаил САДЧИКОВ

Боярский (улыбаясь): Представь себе, Сережа, если бы Мавр был эстонец...

Мигицко: И все же рассказу одну историю. Мой знакомый, артист, женился на англичанке. И она предложила познакомиться с ее прежним мужем: "Он старше меня на тридцать пять лет, вице-адмирал в отставке". Приезжают в Англию, во дворец, открывает дверь человек в мундире с бородой, пьянущий. Орет во все горло: "Полный вперед, эсми-нец "Бешеный", орудие, пли!" - и хлоп в себя бутылку водки! Это - англичанин?!

Боярский: Я считаю, что мы в этом спектакле больше итальянцы, чем англичане.

Язык этой пьесы понятен тем, кто женат. Потому что существование семейных пар слишком часто ничего хорошего не несет, кроме скандалов и ругани. Терпимо жить вместе, наверное, у кого-то получается, но так редко...

Луппиан: Однако неоднократно после спектакля к нам подходили люди со словами: "Вы спасли нашу семью!" Или кто-то говорил: "Не вернуться ли мне к моему первому мужу?"

Мигицко: В одной маленькой республике на нашем спектакле была супружеская пара: оба - высокопоставленные чиновники. Они меня подвозили в отель. И вот "мерседес", отъезжая, вдруг останавливается, муж высывается в окно и кричит мне: "Она (жена) не права! Я на тебя (на моего героя) все равно не похож!"

- "Интимная жизнь" в ва-

перевод, нам кажется, намного хуже, и спектакль - совсем другой.

Боярский: Музыкальным лейтмотивом спектакля стала запись гениального произведения Сергея Рахманинова в исполнении Эрика Кармена. Это ключ ко всему происходящему. Музыка поддерживает спектакль и нас, актеров, словно атлант, - она не дает расслабиться. Как фильм "Александр Невский" нельзя представить себе без музыки Прокофьева, так и "Интимную жизнь" без музыки Рахманинова.

- Что забавного происходило за кулисами "Интимной жизни" в эти годы?

Луппиан: Бывают такие ситуации, когда нам нужно спешить на поезд или на самолет и мы должны сыграть спектакль быстрее, чем обычно. Приходится мобилизоваться, и возникает какое-то новое качество. Так даже интересней! Мы сыграли однажды на сорок пять минут короче, чем стандартные два с половиной часа. И ничего: и мы были довольны, и зрители.

Боярский: Бывает, кто-то что-то забывает. Например, зажегала исчезла, а на ней завязано очень многое. Выкручиваемся как можем: "Да, чего-то не хватает. Вроде выпивка есть, все есть... А, закутить бы!" И сигареты появляются.

Мигицко: В идеале нашему спектаклю нужен белый рояль - это сразу создает образ. Но мы иногда играем на фоне фортепиано, а в Америке приходилось пользоваться простенькой "ионикой". Хорошо, что баян не появился. Хотя